

На вопросы главного редактора портала *Zakon.ru* Ольги Плешановой отвечает
**председатель Федерального
арбитражного суда Центрального округа
Олег Михайлович СВИРИДЕНКО**

ПРАВОВАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СУЩЕСТВУЕТ, НО ПРАКТИКОЙ ОКРУГОВ ЕЕ МОЖНО ПРЕОДОЛЕТЬ

Родился 29 июля 1962 г. В 1989 г. окончил МГУ им. М.В. Ломоносова, кафедру гражданского права. С 1992 г. — судья Арбитражного суда г. Москвы. С 2000 по 2002 г. — исполняющий обязанности заместителя председателя, в 2002—2005 г. — заместитель председателя Арбитражного суда г. Москвы. Указом Президента РФ от 16.04.2005 назначен на должность председателя Арбитражного суда г. Москвы. Указом Президента РФ от 20.04.2011 назначен на должность председателя Федерального арбитражного суда Центрального округа. С 1996 по 2004 г. являлся членом Высшей квалификационной коллегии судей РФ.

— Олег Михайлович, Ваше назначение в **кассационный суд Центрального округа** воспринимается по-разному: одни считают, что это повышение, поскольку это суд третьей инстанции, а другие считают, что это больше похоже на почетную ссылку — **переезд из Москвы в Брянск**. Вы сами как считаете?

— Любому профессионалу в области юриспруденции очевидно, что переход из первой инстанции в третью с точки зрения судейской иерархии — это значительное статусное повышение, даже в случае, когда первой инстанцией является Арбитражный суд Москвы.

В арбитражной системе всего десять округов и, соответственно, десять председателей кассационных инстанций. Войти в эту десятку не так легко — это знак особого доверия со стороны руководства системы, интереснейшая работа, совершенно иной, большой объем полномочий и высочайшая ответственность.

Конечно, в кассационном суде по сравнению с первой инстанцией совсем другой формат работы, это стало очевидно уже с первого совместного семинара, организованного Высшим Арбитражным Судом в Курске, а также в ходе работы нашего Научно-консультативного совета, состоявшегося в Туле.

И, знаете, иногда я ловлю себя на мысли, что если бы мне два года назад предложили такой переход, то, обладая сегодняшним пониманием, я, пожалуй, согласился бы, не слишком раздумывая. Потому что сегодня, посетив уже почти все суды округа, я увидел, что это такое.

— И что это такое?

— Эта работа очень интересна не только в смысле организационного взаимодействия с нижестоящими судами. Она совсем другая с точки зрения творческого подхода и масштабов принимаемых решений.

В настоящий момент мы завершаем своеобразное ознакомительное, обзорное посещение судов нашего округа, впереди еще Курск, Смоленск и Тамбов, однако большая часть округа уже охвачена. И основная задача в этих поездках — пообщаться с сотрудниками суда, посмотреть на условия их работы, ощутить то, что я называю «духом коллектива».

Главное, что хотелось бы отметить по итогам этих первых встреч, — коллективы судов Центрального округа сплочены единым ответственным подходом к своей работе и выполнению задач и в них собраны прежде всего профессионалы высочайшего уровня.

— А в Москве была такая же ситуация?

— В Москве я мог говорить только о профессиональном уровне и настрое сотрудников суда, которым я руководил и потому мог ежедневно наблюдать, общаться и оценивать работу коллектива. Говорить же об округе в целом — это все же были не мои полномочия, не мой уровень компетенции. И, может быть, поэтому дух коллектива на уровне Московского округа я тогда просто не мог ощутить.

— **То есть даже в коллективе Арбитражного суда Москвы судьи и руководители не чувствовали друг друга?**

— В Арбитражном суде Москвы у руководителей всегда была возможность ежедневно общаться с судьями, сотрудниками суда, при необходимости некоторые вопросы выносились на президиум, где обсуждались и решались коллегиально. Но в Центральном округе на сегодняшний день ситуация совсем другая, да и задачи стоят тоже другие.

В регионы я приезжаю даже не с проверкой деятельности суда — она понятна по показателям работы, по цифрам. Я посещаю их для того, чтобы почувствовать творческий и профессиональный потенциал коллектива суда. За долгое время фактического отсутствия председателя Федерального суда Центрального округа люди соскучились по совместной, системной работе, и это очень заметно.

Мы сегодня чуть ли не каждый день получаем письма от руководителей судов, они предлагают новые темы для обсуждения, новые форматы взаимодействия.

— **Считается, и, наверное, справедливо, что в Москве и других регионах совершенно разный уклад жизни, разные правила ведения бизнеса, разный темп, разные денежные потоки. В Москве суд занимался глобальными бизнес-спорами, а арбитражные суды Центрального округа в общем-то не на слуху, крупного бизнеса в округе нет или почти нет. Вы как оцениваете ситуацию?**

— Конечно, в Центральном округе такой масштабной деловой активности, сравнимой с московской, нет. Несмотря на то что на его территории и находится крупнейший Новолипецкий металлургический комбинат, есть несколько крупных предприятий в Калуге, Белгороде, вероятность грандиозных, знаковых споров почти отсутствует — хотя бы потому, что большинство этих предприятий зарегистрировано в Москве. И это объективная реальность: Москва — центр финансовых и других возможностей, от этого никуда не уйти. Поэтому предпринимательская, адвокатская элита, финансовые структуры притягивают наиболее серьезные споры в Москву. Жаль только, что подобная ситуация создает очень серьезный дисбаланс с точки зрения нагрузки на арбитражные суды разных регионов.

— Суды Центрального округа сегодня работают «на вырост» в расчете на то, что бизнес может активизироваться в регионах?

— Абсолютно уверен, что эта активизация обязательно произойдет: уже сегодня видно, как в регионах идут позитивные сдвиги с точки зрения деловой активности.

Но активизация бизнеса не должна автоматически повлечь за собой взрывной, революционный рост числа дел в судах. Какая-то зависимость объективно существует, но в Арбитражном суде Москвы, например, в 2007 г. было рассмотрено около 80 тыс. дел, а в 2008 г. — больше 150 тыс. — разве это говорит о том, что бизнес начал работать почти в два раза активнее? Конечно, это не так! Поэтому нельзя брать за точку отсчета ту сумасшедшую нагрузку, с которой работают наши коллеги в Москве и Санкт-Петербурге. И не в остальных субъектах нагрузка должна приближаться к столичному уровню, а наоборот.

Здесь, в регионах, сегодня действительно ощущается значимость собственно судейской работы. Я почти с начала своей работы в ФАС ЦО стал принимать участие в процессах и по-настоящему почувствовал это. Суды первой инстанции Центрального округа рассматривают в среднем около 40 дел в месяц (арбитражные суды Курской и Тамбовской областей — 72 и 52 дела в месяц соответственно). Нагрузку нельзя назвать маленькой, но она позволяет делать работу качественно, чего очень сложно добиться, когда судье приходится рассматривать более 80—90 дел в месяц, проводя 40 и более заседаний в день.

— Насколько велика разница во взаимоотношениях с местными администрациями в Москве и в Центральном округе? Я помню, как в Москве экс-мэр Юрий Лужков приходил на подведение итогов работы арбитражных судов, т.е. контакт был публичным и, может, даже избыточным. Как обстоит дело в регионах?

— Мы еще не проводили годовых итоговых совещаний в округе, так что говорить о том, в каком формате они проводились раньше, сложно, однако могу предположить, что ситуация в этом отношении вряд ли сильно отличается от московской. Насколько мне известно, в ряде регионов губернаторы, председатели законодательных собраний и другие представители региональной политической элиты принимают участие в итоговых совещаниях.

В целом не вижу в этом ничего странного, поскольку формат итогового доклада председателя суда, каким он был, например, в Москве, включает цифры и показатели, которые, на мой взгляд, не могут не интересовать губернаторов. Статистические показатели работы арбитража субъекта — это немаловажный индикатор «бизнес-пульса» региона.

Но что касается кассационного суда округа, свое первое итоговое совещание мы проведем исключительно с участием коллектива и председателей судов субъектов РФ. Дело в том, что приглашение на мероприятие политической элиты конкретного субъекта — наверное, не совсем корректный формат мероприятий для кассационного суда, по крайней мере суда Центрального округа. Почему в этом случае на мероприятии должно присутствовать руководство только того субъекта Федерации, в котором находится кассационный суд, почему приоритет отдается одному губернатору? Полагаю, это не совсем правильно. Тогда по логике нужно приглашать на итоговое совещание губернаторов всех одиннадцати областей, входящих в округ. Поэтому для себя мы приняли решение, что это первое совещание будет совещанием системным — с участием судей и председателей судов. Ну и, конечно, для нас будет большой честью, если в итоговом совещании примет участие представитель руководства ВАС РФ.

— Насколько свободнее чувствуют себя судьи в более отдаленном от администрации формате? В плане судейской работы, рассмотрения дел.

— По-моему, чтобы сделать вывод о степени этой довольно своеобразно понимаемой свободы, достаточно взглянуть на показатели работы суда. К примеру, Федеральный суд Центрального округа почему-то оказался лидером в системе арбитражных судов по направлению дел на новое рассмотрение. У нас более 20% таких дел, хотя по системе этот показатель существенно ниже, даже в Московском округе при его более высокой нагрузке.

— Вы имеете в виду то, что называется правосудием по кругу?

— Да, и одной из наших первоочередных задач является анализ практики применения специфичного ин-

ститута нового рассмотрения — есть ощущение, что он не очень последовательно используется. Сегодня мы совместно с председателями судов округа и судьями кассационной инстанции пытаемся наладить эту работу. В ряде судов, особенно в этом смысле хочется отметить арбитражи Тульской и Белгородской областей, в которых председатели и президиумы проводят очень трудоемкую работу, обсуждается и анализируется каждая отмена. В московском суде мы практиковали это регулярно, а в Центральном округе такой оперативный формат еще не использовался. Недавно мы проводили по итогам полугодия общее совещание в режиме видео-конференц-связи, и от судов поступило предложение проводить ежеквартальные отчеты по отменам, а также наладить оперативный обмен этой информацией. Это, безусловно, не означает, что мы будем каким-то образом запрещать направлять дела на новое рассмотрение. Но мы видим, что, когда сегодня в округе начинает обсуждаться правовая проблема, в работу с готовностью включается и первая инстанция, и апелляция, и даже судьи кассации. Мне кажется, это опять же возвращает нас к тому, о чем мы говорили, — судьи готовы и хотят работать, в округе действительно накопились актуальные, проблемные вопросы практики. Просто раньше не существовало подобного формата взаимодействия, того, что принято называть дискуссионной площадкой для обсуждения всех этих вопросов.

И одной из основных задач я вижу создание именно такого эффективного механизма обратной связи, некой правовой определенности, оперативного взаимодействия между инстанциями в округе. Собственно, на мой взгляд, в этом в первую очередь и заключается задача суда кассационной инстанции.

— В конце июля Президиум ВАС РФ вынес ряд постановлений о том, что кассация не имеет права направлять дело на новое рассмотрение, если правовая позиция по рассматриваемому вопросу уже сформирована ВАС РФ и суды первой апелляционной инстанции решили спор в соответствии с этой позицией. Это ограничит правосудие по кругу?

— О такой позиции ВАС РФ можно было только мечтать, и очень хорошо, что она появилась. Конечно же, Антон Александрович (Иванов, Председатель ВАС РФ. — *Ред.*) как профессионал видит и понимает эту проблему изнутри. И, несомненно, эти меры окажут

влияние на практику работы кассационных судов. Данная позиция ВАС РФ однозначно избавит суды первой и апелляционной инстанций от неимоверного количества дополнительной работы, когда всё новые и новые рассмотрения одного дела превращаются в заколдованный круг.

— Позиция ВАС РФ приведет к уменьшению числа дел, направляемых на новое рассмотрение. Но критика такой позиции состоит в том, что творческая роль кассации ограничивается. Если ВАС РФ сформировал какую-то позицию, то кассация уже никак не может поспорить и предложить что-то свое. В этой ситуации ставится под сомнение даже целесообразность существования кассации.

— Критики, к счастью, персонально мне неизвестны. Но, по всей видимости, они имеют какие-то серьезные основания бескорыстно любить эти судебные «походы по кругу».

К чему приведет творчество любого кассационного суда по вопросу, по которому уже сформирована позиция ВАС РФ? Ведь в конечном итоге не кассационная инстанция определяет практику правоприменения в системе, а высшая. И если эта практика известна кассационной инстанции, то логичен вопрос: какое же творчество проявляет состав кассационного суда, придумывая иную мотивацию, интересную для себя, в обход правовой позиции ВАС РФ? И для чего? В чем здесь творчество — в том, чтобы обойти позицию ВАС РФ? Очевидно, это не творчество, а что-то совершенно другое.

Любому юристу, а уж тем более судье, известно, что в силу Конституции и федеральных законов Российской Федерации Верховный Суд РФ определяет единую позицию по линии общей юрисдикции, ВАС РФ — для арбитражных судов. К счастью, частных судов в Российской Федерации нет — ни кассационных, ни судов первой инстанции.

— Недавно Пленум ВАС РФ подробно разъяснил механизм пересмотра дел по вновь открывшимся и по новым обстоятельствам. Кассационные суды сами могут пересматривать дела по таким обстоятельствам, даже если по делу не подавалась надзорная жалоба и нет определения Судебной

коллегии ВАС РФ с указанием на необходимость пересмотра. При этом кассационные суды должны сами же определить, есть ли сформированная правовая позиция ВАС РФ и имеет ли она обратную силу, т.е. дать ту квалификацию, которую до сих пор давали только судьи высшей инстанции. С этим сложно работать кассациям?

— Эти правила очень важны с учетом применения института компенсаций за судебную волокиту. Делами о компенсациях, как известно, занимаются кассационные суды, рассматривая их по правилам первой инстанции. В Центральном округе в этом полугодии рассмотрено всего четыре таких дела, но в Московском округе их в несколько раз больше. И в этом смысле институт пересмотра дел по новым обстоятельствам, как представляется, дает возможность не откладывать и не затягивать дело. Тем не менее проблема оценки кассационными судами этих обстоятельств на сегодняшний день объективно существует. Это непростой вопрос, в том числе и потому, что еще не наработана достаточная практика, хотя на последнем президиуме ФАС ЦО было поручено обобщить правоприменительную практику по ст. 311 АПК РФ и внести предложения для обсуждения в режиме видео-конференц-связи судами округа.

— Как быть с теми вопросами, по которым еще не сложилось определенной практики ВАС РФ? Сейчас, например, нет четкого понимания правил возмещения судебных расходов, особенно в части досудебной подготовки. Есть постановления Президиума ВАС РФ по конкретным делам, но есть и новые дела, переданные в Президиум с предложениями решить проблему иначе. Как действовать в состоянии неопределенности?

— В таком случае, с моей точки зрения, должен быть в полной мере использован ресурс кассационных судов. Именно кассационные суды должны брать на себя смелость формировать единообразную практику в округах. В нашем округе 9 сентября состоялось обсуждение в режиме видеоконференции вопроса о возмещении судебных расходов — инициативу проявили суды Тульской и Орловской областей. Предварительно мы обсудили данную проблему на заседании Президиума нашего суда и пришли к общему выводу о том, что в первую очередь апелляции и кассации при принятии решения необходимо исходить из того, насколько хорошо мотивировал свое решение суд пер-

вой инстанции. В ходе видеоконференции эта позиция была поддержана, причем как первой инстанцией, так и апелляцией. А мое личное отношение к этим вопросам я бы проиллюстрировал на следующем примере — вы помните 333-ю статью Гражданского кодекса?

— Право суда снизить размер неустойки...

— Да. В практике ее применения существовала неопределенность. В 1990-е годы, рассматривая дела в качестве судей первой инстанции, мы снижали неустойку, как правило, до 50% долга. Ведь необходимым был какой-то критерий, от которого нужно было оттолкнуться, однако в законодательстве он не был прописан. Невозможно же в одной ситуации уменьшать размер неустойки на 100 руб., а в другой увеличивать на 200, должен существовать какой-то общий подход. В любом случае судья должен был свое решение четко и профессионально мотивировать.

— То есть здесь логика такая: дать максимум творческой свободы суду первой инстанции, но обязать его дать такую мотивировку решения, с которой трудно будет поспорить.

— Обоснуйте так, чтобы это были действительно те расходы, которые необходимы, разумны и которые следует возмещать. Мы изучали практику ВАС РФ и увидели, что там тоже существует такой подход и другой вряд ли возможен. Обоснования могут дать как суды первой, так и апелляционной инстанции, поскольку они имеют возможность рассмотреть дело по правилам первой инстанции. А вот у кассации такой возможности уже нет, и по закону она не должна этого делать. Хотя на уровне обобщения практики вопрос по расходам возможно определить и в кассационных инстанциях.

|| Правовая неопределенность действительно существует, но практикой округов ее можно преодолеть.

— Скажите, особые мнения ваших судей где-нибудь уже появлялись в опубликованном виде или пока еще эта тенденция высших судов вас не затронула?

— К сожалению, по регионам информации не имею, но по кассации могу сказать, что о таких случаях мне ничего не известно.

— Как Вы вообще оцениваете институт особых мнений?

— Ничего страшного я в нем не вижу, в Европе практика публикаций особых мнений существует, причем довольно давно. И, на мой взгляд, это даже полезно — знать иную аргументированную позицию. Ведь существуют такие споры, где позиция, выраженная в особом мнении, существенно отличается от принятого решения. И, к несчастью для судей, принимавших решение, именно особое мнение может совпадать с практикой вышестоящих судов, такие случаи бывают. Поэтому, когда общественность узнаёт о существовании альтернативного подхода к разрешению правовой коллизии, мне кажется, легче избежать некоторых признаков неадекватных решений. И может быть, это и есть один из механизмов борьбы с подобными неадекватными решениями, о которых много говорит Антон Александрович и о которых мы знаем.

— Как Вы относитесь к новому веянию в ВАС РФ — писать тексты судебных актов менее формальным стилем, допустить туда не только правовую терминологию, но и выражения вроде «рейдерская атака», «вывод активов», т.е. то, что больше присуще публицистике?

— Чуть раньше вы упомянули о творчестве, которого не хватает иногда в некоторых судах. Пожалуй, я склонен в этом с вами согласиться, а потому к подобным новеллам отношусь в целом позитивно. Мне кажется, что это нормальный режим, нормальный элемент того творчества, которое может иметь место в конкретном судебном акте. А иногда термин, который вы упомянули, «рейдерская атака», или распространенный в Европе термин «гринмейл» дают разъяснение, вернее, эмоционально усиливают ту или иную позицию.

Главное, чтобы при этом в основе выносимого решения лежала не сама эмоция, а правовая позиция, которую неформальный термин мог бы только дополнить. А вот если термин будет использован без должной правовой мотивации, без четко аргументированной правовой позиции, то такая практика, на мой взгляд, вряд ли допустима.

— Сейчас стало работать Дисциплинарное судебное присутствие, которое рассматривает жалобы

на лишение судей их статуса. Опубликованные решения Дисциплинарного судебного присутствия дают весьма пеструю и даже экзотическую картину. Например, восстанавливают в должности судью, который находится под следствием по уголовному делу о мошенничестве, и восстанавливают только потому, что при лишении его полномочий был нарушен процесс. А другого судью буквально спасают — квалификационная коллегия лишила его статуса из-за того, что он в магазине поспорил о цене кроваток. Еще одного судью лишают полномочий за выпитую в помещении суда рюмку, правда, выпитую в обществе знакомого бизнесмена. Есть ли какая-то единообразная практика, по которой судей привлекают или же не привлекают к дисциплинарной ответственности?

— Как бывший член Высшей квалификационной коллегии судей РФ, проработавший в ней два срока, я могу сказать, что практика, конечно же, существует, причем довольно давно. Какие-то из случаев, с которыми нам приходилось разбираться, были более экзотическими, какие-то менее. Вы знаете, иногда невозможно все учесть, все предусмотреть, когда речь идет о судьбе человека. А судить судей, мне кажется, это одна из самых тяжелых и неблагодарных работ, которые только возможны. И мне искренне жаль всех членов судебного присутствия. Они профессионалы своего дела, но, поверьте, это очень сложный процесс.

— Даже сложнее уголовных дел о привлечении к высшей мере наказания?

— Таких дел с исполнением сейчас нет, а потому есть возможность исправить приговор без последствий для жизни человека. Хотя, конечно, в любом случае, наверное, не совсем корректно сравнивать высшую меру, пожизненное заключение и лишение статуса судьи.

— А правильно ли то, что создали специальный суд для судей?

— Сам институт, как мне представляется, очень полезен. Кто-то должен ставить точку в подобных конфликтных ситуациях. Не должно оставаться какой-то недосказанности, недопонимания. Как складывалась ситуация, пока не было этого присутствия? Все акценты расставлялись по линии Верховного Суда: первая

инстанция, кассация, надзор. А сегодня создано Дисциплинарное присутствие, в составе которого есть представители и судов общей юрисдикции, и арбитражных судов.

|| Возможно, было бы полезно, чтобы от обеих юрисдикций в состав присутствия включалось по одному авторитетному, уважаемому судье в отставке.

Но это мое частное мнение по данному институту.

— Судьи в отставке нужны, чтобы присутствие было немножко дальше от системы?

— Нет, дело не в этом. Просто, на мой взгляд, судьи в отставке, не занимающиеся в настоящий момент судопроизводством, способны оценить ситуацию в том числе и со стороны. Мы, как действующие судьи, не всегда можем взглянуть так независимо, абстрагировавшись. А это подчас необходимо, когда требуется оценить то или иное действие, когда решается судьба человека. Это непросто сделать в принципе, а тем более в отношении своего коллеги-судьи.

— Сейчас все решения судебного присутствия публикуются. Таким образом, верхний срез дел о лишении статуса, дошедших до присутствия, стал полностью публичным. Как Вы это оцениваете и как это влияет на атмосферу в судейском сообществе, на поведение судей?

— Это говорит о том, что судебная система открыта, доступна, мобильна. И граждане — не только юристы — имеют к ней доступ, могут оценивать и комментировать происходящее в ней. Мне кажется это полезно, ничего страшного в этом нет.

— А как это воспринимают судьи? Они читают, к примеру, решение в отношении своего коллеги, который за рюмку спиртного поплатился мантией. Это как-то действует? Даже психологически?

— Думаю, что действует. Именно поэтому некоторые воспринимают подобные истории с опаской — те, предположим, кому есть чего опасаться, — некоторые с осуждением, кто-то с пониманием. Но сама дискуссия в любом случае приносит пользу. По крайней мере, зная о подобном решении, судья понимает, что

ему нужно всегда помнить о своем статусе и той дополнительной ответственности, которую этот статус на него накладывает. Если он, к примеру, не прочь употребить спиртное на рабочем месте...

— Это буквально последние два из опубликованных решений, вынесенных в конце июля. В одном деле фигурировал пакет с креветками, в другом — распитие спиртного. Отягчающим обстоятельством, правда, был присутствовавший предприниматель, знакомство с которым судья не отрицал.

— Не могу утверждать, незнаком с подробностями этих конкретных случаев, но, полагаю, что существовали еще какие-то, более весомые обстоятельства, которые по той или иной причине остались за пределами озвученных фактов. Потому что само присутствие предпринимателя в кабинете говорит о многом, и дальше, возможно, протянется ниточка к конкретным делам. Но это только мое предположение. Так что, думаю, фактура в этом деле более объемная и глубокая, а рюмка — скорее фон. Но на судей подобные ситуации влияют очень серьезно, и в этом есть позитивный момент.

— Однажды председатель Мосгорсуда Ольга Егорова рассказывала, как двое мировых судей увлеклись автогонками по ночной Москве. И их лишили полномочий...

— Этот случай является прямым нарушением судейской этики. Если судья демонстративно бравитует своим статусом, совершая правонарушения, что с ним делать? А решения о лишении судей статуса обязательно должны публиковаться, это нормальная жизненная ситуация.

— Если говорить о публичности судебной власти, то как быть с непроцессуальными обращениями по делам? Арбитражные суды уже завели на своих сайтах «позорные столбы», где вывешиваются всевозможные письма, обращения. Но Президент России говорил недавно, что этого недостаточно, надо еще подобные телефонные звонки фиксировать. Много ли, по Вашим наблюдениям, непроцессуальных обращений и как с ними быть?

— К счастью, в Центральном округе таких обращений пока нет. В Московском суде были обращения, и в том

числе депутатов — именно они, как правило, использовали свои бланки для обращений. Такие обращения мы публиковали на сайте.

— Публиковали все без исключения?

— Нет, не все, при анализе подобных обращений мы исходили из их резолютивной части. Когда в ней присутствовала ярко выраженная просьба «посмотреть повнимательнее» или «взять на контроль», совершенно понятно, что это может означать. Если в обращении присутствовала такая просьба — мы сразу размещали его на сайте. Если же в обращении сообщалось о каких-то «проблемных» с точки зрения депутата актах, но никакой просьбы не было, то анализировали ситуацию — что на самом деле происходит.

На сайте суда Центрального округа сейчас пока нет ни одного такого обращения. Если они появятся — будем публиковать.

Единый подход, озвученный в свое время Антоном Александровичем Ивановым и выработанный ВАС РФ в отношении публикации обращений, — это хороший предупредительный сигнал всем желающим поучаствовать в судьбе того или иного дела.

Когда ВАС РФ начал публикацию подобных обращений, мы в Москве ощутили серьезное снижение их числа — в течение года появились буквально одно или два обращения, это можно отследить по хронологии публикаций на сайте. А ведь до этого были случаи, когда из-за подобных депутатских писем приходилось обращаться даже в Комитет Госдумы по этике и получать отрицательные ответы о невмешательстве депутата, который, к примеру, просил наложить обеспечительную меру, а это не просто вмешательство, это уже процессуальное соучастие. Сегодня таких проблем нет.

— А если судьям предстоит вести еще и специальный журнал непроцессуальных обращений, как предлагал А.А. Иванов? Предполагается, что судья будет не только записывать письма, но и регистрировать телефонные звонки, просьбы, адресованные через кого-то, т.е. фиксировать буквально все, что может как-то воздействовать на него со стороны. Судьи, по Вашему мнению, воспримут

такую форму работы или они вряд ли будут к ней готовы?

— Вы знаете, сегодня в это уже сложно поверить, но ведь еще несколько лет назад не было даже представления о том, что нужно что-то фиксировать, тем более телефонные звонки. Напомню, что не так давно и судьи, и представители общественности очень эмоционально воспринимали даже терминологию, связанную с электронным правосудием.

Мне кажется, должно пройти некоторое время, но уверен, что уже в скором будущем судейский корпус будет воспринимать подобную информационную открытость как должное, де-факто и де-юре.

Ведь еще совсем недавно судьи категорически не желали участвовать, например, в какой-либо телепрограмме. И журналистов на судебные заседания пускать не желали.

— Да, я это отлично помню — проблемы были еще в 2004 и 2005 гг. В расписании не указывались даже наименования сторон — только номера дел, журналистов не пускали на предварительные судебные заседания, нередко слушали дела в закрытом режиме...

— Но вы посмотрите, насколько изменилась ситуация с тех пор! Только с 2005 г., с момента, когда Антон Александрович возглавил арбитражную систему, нами, на мой взгляд, пройден огромный путь. И сегодня в Арбитражном суде Москвы все процессы ежедневно идут в формате прямого эфира, и хотя пока они не демонстрируются в открытом доступе, но все они сохраняются в электронном виде и в случае необходимости могут быть опубликованы. У нас в Центральном округе такой возможности пока нет, но движение в этом направлении идет постоянно. С учетом принятого пленумом ВАС РФ решения о переезде ФАС ЦО в Калугу и наметившихся перспективах, в том числе согласованиях в Минфине и Минэкономразвития России, могу сказать, что новое здание кассационного суда будет оснащено по последнему слову техники.

— Давайте немного о материальном праве поговорим. Сейчас сложилась удивительная ситуация, когда Совет по кодификации гражданского за-

конодательства при Президенте РФ разработал проект Гражданского кодекса. В его разработке участвовали очень многие представители ВАС РФ, т.е. те люди, которые каждый день рассматривают самые сложные бизнес-споры. Специалисты, казалось бы, очень опытные и в праве, и в бизнес-практике. В итоге проект вызвал критику именно со стороны крупного бизнеса. Что произошло?

— Полагаю, основная проблема заключается в том, что российский бизнес сегодня, к сожалению, готов к разрешению споров исключительно в режиме судебного рассмотрения. Мне кажется, что в обществе, в бизнес-сообществе, институт судебного разрешения споров должен восприниматься как некое эксклюзивное право, которым можно и нужно воспользоваться лишь в исключительном случае. А сегодня бизнес, причем именно крупный бизнес, что особенно удивительно, в спорной ситуации направляется в суд практически по любому поводу.

— Те же страховщики в России стали уникальным явлением — они только и делают, что судятся. В других странах деньги платят, а у нас судятся. В результате дела о суброгации создают немалую часть нагрузки на суды.

— Да, это совершенно порочная практика — «мне так дешевле». Страховые компании, например, могли бы без какого-либо ущерба для себя вместо того, чтобы отправляться в суд, обращаться к нотариусу, который бы и производил необходимые расчеты.

Ведь в подавляющем большинстве страховых дел обычно нет спора собственно о праве — это обычные расчетные вопросы. Но, к сожалению, бизнес сегодня обращается в суд не столько для того, чтобы установить истину, сколько в попытке отсрочить или даже уклониться от исполнения своих обязательств.

Поэтому было предсказуемо, что бизнес довольно ревностно отнесется к любым законодательным предложениям. Ведь предприниматель обычно преследует свою конкретную бизнес-задачу, в этом нет ничего предосудительного, целью бизнеса является извлечение прибыли. А вот судьи, и тем более руководство арбитражной системы, при реализации столь масштабной задачи, как, к примеру, кодификация граж-

данского законодательства, не могут позволить себе мыслить узко — ведь речь идет о стратегии развития страны, улучшении ее инвестиционного климата.

— Тем не менее наш бизнес стройными рядами бежит судиться в Лондон...

— Давайте не будем о грустном.

— С переносом суда Центрального округа из Брянска в Калугу хорошо угадали — Москва подойдет почти вплотную.

— На протяжении последних месяцев эту шутку в свой адрес слышу все чаще. Но могу сказать, что мы ничего не угадывали и это не мое решение — это решение ВАС РФ и полномочного представителя Президента по ЦФО, насколько я знаю. Потому что Георгий Сергеевич (Полтавченко. — *Ред.*), не так давно избранный губернатором Санкт-Петербурга, как никто другой, знает Центральный федеральный округ. Однако первоначально это волевое решение было принято Председателем ВАС РФ, за что ему благодарен и я, и коллектив нашего суда.

Могу сказать, что эта идея родилась из понимания того недопустимого состояния, в котором находится сегодня суд кассационной инстанции. А мне поручена реализация этой идеи, и я благодарен Антону Александровичу за оказанное доверие.

Если проанализировать географию округа, то идеальным местом для кассационного суда мог бы стать Воронеж, но в нем уже находится апелляция, а по закону размещение всех трех инстанций в одном регионе невозможно. Аналогичная ситуация в Туле.

Белгород, Липецк и Рязань с точки зрения их расположения и транспортной доступности неудобны, а Калуга представляется наиболее удачным вариантом. Поэтому территориально, мне кажется, выбор правильный, инфраструктурная доступность для сторон оптимальная, а сам регион — динамично развивающийся и активно привлекающий отечественные и иностранные инвестиции.

Если все идеи, поддерживаемые сегодня руководством ВАС РФ, будут реализованы, то это будет очень сильный центр судейского сообщества.

— Когда переезжаете в Калугу?

— Вопрос конкретного времени переезда пока остается довольно сложным. Сегодня при полной поддержке ВАС РФ и понимании со стороны губернатора Калужской области мы, как мне говорят многие специалисты, продвигаемся очень быстро. Например, на сегодняшний день уже состоялось Постановление Пленума ВАС РФ, Председатель направил письмо в Правительство РФ на имя Владимира Владимировича Путина, и премьер-министр уже учинил свою резолюцию. Уже имеются согласования с Министерством финансов и Министерством экономического развития, вопрос вынесен на бюджетную комиссию Правительства РФ и сейчас находится в финальной стадии решения.

Вероятнее всего, с октября мы начнем активную работу по переезду с коллективом. В первую очередь предстоит решить вопрос квартир для судей.

— А какова примерно цена вопроса? Сколько нужно на переезд, учитывая в том числе жилье для судей?

— Пока, к сожалению, не могу ответить на этот вопрос, он просчитывается предварительно. В кассационном суде 33 судьи, и на настоящий момент я не располагаю информацией о том, кто из судей, может быть, уже имеет жилье в Калуге, или же вообще не планирует переезжать. Заниматься этими расчетами мы сможем только после принятия окончательного решения относительно здания для суда в Калуге. Когда в этом основном вопросе появится определенность, просчитать бюджет самого переезда будет не так уж сложно.

— Что может дать стратегически переезд в Калугу помимо нового здания?

— А вы когда-нибудь были в Федеральном арбитражном суде Центрального округа в Брянске?

— Нет.

— Приглашаю. Недавно некий аноним попытался в «Российской газете» сказать, что мы находимся в идеальных условиях в Брянске. Но коллектив, прекрасно знающий эти условия, ответил обращением с благодарностью Председателю ВАС РФ за принятое

решение о переносе суда. Нынешний суд в Брянске — это два здания: в одном осуществляется правосудие, в нем находятся судьи, часть аппарата (около 100 человек) на 1800 кв. м, а в другом здании находится еще часть отделов и собственно кабинет председателя. Это второе здание — бывший дом политпросвещения, требующий серьезного капитального ремонта. Зала для секретных судебных дел в суде вообще не существует. В здании невозможно сделать этот зал, поскольку оно не соответствует нормам. Поэтому зал условно «арендуется» (без денег, конечно) в суде первой инстанции. Вы только представьте, как судьи кассационной инстанции, взяв секретные дела, сели в машину и поехали слушать дело в первую инстанцию! Вот такое рассмотрение дел и такая ситуация — «прекрасные, идеальные» условия, о которых некий доброжелатель написал.

— В судах первой инстанции в Центральном округе уже сейчас начинаются кадровые изменения. В Арбитражном суде Воронежской области будет новый председатель, переназначен председатель в Калуге, ожидается переназначение в Рязани.

— Это абсолютно объективный процесс — истекают сроки полномочий, соответственно, переназначаются председатели. Меня очень удивляет, что все эти кадровые изменения каким-то образом связываются с моим именем. Совершенно неправильный подход. Вопросами кадрового назначения, кадрового предложения в нижестоящих судах не занимался, не занимаюсь и не буду заниматься без соответствующего распоряжения Председателя ВАС РФ. А то, что плановая, нормальная ротация председателей совпала с моим назначением, — это просто случайность, вопросами такого уровня занимается исключительно ВАС РФ.

— У Вас есть желание что-то переделать, изменить?

— Если вы имеет в виду вопрос со сменой председателей, то, повторюсь, в этом нет необходимости.

Если же говорить о работе в округе в целом, то тут, безусловно, хочется изменить многое, начиная с создания тех эффективных механизмов взаимодействия в рамках обеспечения нормального, единообразного подхода к разрешению споров в округе, о чем мы уже подробно говорили выше.

В этом направлении будем расширять практику проведения совместных совещаний в режиме видеоконференц-связи, модернизировать формат и усиливать работу Научно-консультативного совета при ФАС ЦО. Кстати, согласие на включение в его состав уже дали многие ведущие представители юридической науки. Есть планы и по проведению совместных заседаний НКС с Федеральными арбитражными судами Северо-Кавказского, Московского и Восточно-Сибирского округов. Вообще, будем активизировать работу в регионах: например, в апелляционных округах — выездные подведения итогов года, в которых я обязательно приму участие. Планируем на будущий год провести и спартакиаду судов округа.

Кроме того, с организационной точки зрения, как председатель окружного суда, я чувствую свою ответственность за рабочие условия, в которых находится

не только коллектив ФАС ЦО, но и нижестоящие инстанции. Сейчас я продолжаю объезжать суды округа, смотрю на то, как и где они работают. Могу сказать, что по результатам этих визитов уже достигнута принципиальная договоренность о выделении земли для строительства нового здания арбитражного суда в центре Рязани, о выделении дополнительных помещений Девятнадцатой воронежской апелляции. Мы будем помогать сдвинуть с мертвой точки процесс строительства нового здания в Липецке. На очереди еще посещение Тамбова — слышал, что местный арбитражный суд находится в очень тяжелых в плане размещения условиях.

В целом же настрой очень позитивный и главное, что внушает оптимизм, — это профессионализм и желание работать, которое исходит от коллективов и председателей судов округа.